

## НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*В.А. ПОНИЗОВСКИЙ,  
ДЖ.У. БЕРРИ*

## Сравнительный анализ политики мультикультурализма в Канаде, странах Европы и России

Мультикультурная политика — один из немногих теоретически обоснованных способов управления этнокультурным разнообразием. В то же время в российском экспертном сообществе выражаются сомнения в целесообразности ее применения в России. Такие сомнения обосновываются трудностями, с которыми сталкиваются страны Европы в процессе адаптации мигрантов, а также общественным запросом на ассимиляционную политику. Задачи статьи: 1) представить теоретические и эмпирические аргументы в пользу мультикультурной политики; 2) описать ее основные компоненты: положительное приятие и поддержку этнокультурного разнообразия и обеспечение равноправного участия всех этнокультурных групп в политической и общественной жизни; 3) оценить степень и успешность реализации компонентов мультикультурной политики в Канаде, странах Европы и России. Делаются выводы об изменениях в политике Российской Федерации в вопросах интеграции этнокультурных меньшинств за последние пять лет.

**Ключевые слова:** мультикультурализм, этнокультурное разнообразие, миграционная политика, интеграция, национальность, этничность, общегражданская идентичность, Россия.

### Что такое мультикультурализм?

В 1970-х гг. Дж. Берри, Р. Калин и Д. Тэйлор выделили два равнозначных компонента мультикультурного общества. Это наличие этнокультурного разнообразия и обеспечение равноправного участия всех этнокультурных групп в политической и общественной жизни [Berry, Kalin, Taylor 1977]. В той же работе пояснялись три возможных понимания термина *мультикультурализм*. Во-первых, это демографический

---

\* Работа подготовлена в рамках проекта “Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта”, поддержанного Российским научным фондом (проект № 15-18-00029).

---

*Понизовский Владимир Антонович — стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 109316 Москва, Волгоградский пр-т, 46б, офис 214. E-mail: vladimir.ponizovskiy@gmail.com.*

*Берри Джон Уиддап — почетный профессор Королевского Университета, Канада, главный научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 109316 Москва, Волгоградский пр-т, 46б, офис 214. E-mail: jwberry@hse.ru.*

факт: в XXI в. большинство стран мира этнически и культурно гетерогенны. Во-вторых, это идеология: степень приятия этнокультурного разнообразия и осознания необходимости взаимной интеграции и равноправного участия различается на индивидуальном и групповом уровнях. В-третьих, под мультикультурализмом может пониматься мультикультурная политика: некоторые страны принимают законы и разрабатывают программы, одобряющие и способствующие закреплению этнокультурного разнообразия в обществе.

Эти три проявления тесно связаны друг с другом. Без демографического этнокультурного разнообразия нет необходимости заботиться о его восприятии обществом, а значит и потребности в государственном регулировании этнокультурного разнообразия. Иногда мультикультурализм понимается исключительно как этнокультурное разнообразие. Однако второй ключевой компонент — равноправное участие в общественной жизни — не менее важен. Его отсутствие может привести к появлению в обществе сегрегированных культурных групп и к анклавизации этнических меньшинств. А равноправное участие без сохранения этнокультурного разнообразия ведет к ассимиляционной политике “плавильного котла”. В ситуациях же, в которых не обеспечивается ни равноправное участие, ни сохранение этнокультурного разнообразия, межгрупповые отношения, скорее всего, будут характеризоваться маргинализацией и отторжением. И только когда в обществе присутствуют оба названных компонента мультикультурализма, можно наблюдать интеграцию и мультикультурализм.

Нельзя не учитывать, что большинство стран мира характеризуется высоким этническим, культурным, религиозным и языковым разнообразием. В Африке и Азии, а также некоторых странах Северной и Южной Америки, таких как Канада и Перу, уровень этнокультурного разнообразия крайне высок. Япония, Северная и Южная Корея — одни из самых культурно однородных. Страны Европы в этом плане значительно отличаются друг от друга: в то время как в Испании и Бельгии этот показатель высок, Италия и Дания — одни из самых однородных стран в мире. Причем ныне этнокультурное разнообразие в странах Европейского союза увеличивается вследствие иммиграции, однако многие страны Европы все еще относительно однородны [Alesina, Devleeschauwer, Easterly, Kurlat, Wacziarg 2003].

Установка индивида относительно этнокультурного многообразия и равноправного участия этнокультурных групп в общественной жизни называется *мультикультурной идеологией*, которую определяют как приятие культурного многообразия и понимание необходимости взаимной аккомодации [Berry, Kalin, Taylor 1977]. В некоторых обществах, однако, понимание мультикультурализма сводится к одному культурному разнообразию (то есть наличию множественных независимых культурных сообществ). Однако такое сужение толкования, как говорилось ранее, приводит к сегрегации и анклавизации этнокультурных групп. В частности, на нем строятся недавние высказывания некоторых европейских лидеров о “крахе мультикультурализма”. Так, бывший премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон заявил, что Британия предлагала представителям разных культур жить отдельно друг от друга и, чтобы предотвратить радикализацию своих граждан, Великобритании требовалась более сильная национальная идентичность. Такие высказывания свидетельствуют о недостаточном понимании равнозначимости компонентов мультикультурной идеологии и политики. В ситуациях, когда мультикультурализм понимается и применяется только как терпимость к существованию множественных культурных групп в обществе, а равноправное участие таких групп в общественной и политической жизни не обеспечивается, в итоге закономерны сегрегация и анклавизация. И это — серьезная проблема. Например, согласно опросу Eurbarometer (2007 г.), включавшему 27 стран Европы, согласие с утверждением “этническое разнообразие обогащает культуру страны” варьирует от 32% на Мальте до 86% в Швеции. В то же время утверждение о том, что в парламенте страны должны быть лучше представлены этнические меньшинства, получило значительно меньшую поддержку — от 17 до 66% в тех же странах. Эта разница подтверждается недавними исследованиями [Yogeswaran, Dasgupta 2014], которые показывают, что

мультикультурализм получает большую поддержку как абстрактный принцип, в то время как конкретные компоненты мультикультурной политики могут восприниматься как угроза членами доминантной группы.

Для большинства стран этнокультурное разнообразие — данность, которая представляет как возможности, так и риски для благополучия и благосостояния граждан. Оно растет во многих странах мира (например, в США, Европе и Австралии) вследствие иммиграции и связывается с рядом негативных социальных явлений, таких как ксенофобия, воспринимаемая угроза и негативные межэтнические установки [Bloemraad, Wright 2014; Dustmann, Fabbri, Preston 2011; Quillian 1995; Schneider 2008]. По мнению Р. Патнэма [Putnam 2007], иммиграция и этническое разнообразие в США негативно влияют на социальную солидарность, доверие и альтруизм, а также связаны с меньшим количеством дружеских связей. Однако исследования в других странах не повторили эти результаты [Kessler, Bloemraad 2010].

Негативный эффект растущего этнокультурного разнообразия не неизбежен. Например, в канадских городах пропорция этнокультурных меньшинств связана с положительными межэтническими установками [Kalin, Berry 1982]. Похожие результаты дали исследования в Новой Зеландии, где пропорция иммигрантов была связана с более высокой оценкой иммигрантов большинством и меньшим ощущением дискриминации со стороны иммигрантов [Ward, Masgoret, Vaclair 2011].

Один из способов аккомодации этнокультурного разнообразия — мультикультурная политика, предусматривающая положительное приятие и поддержание этнокультурного разнообразия и опирающаяся на результаты научных исследований. Положительное влияние такого рода политики на межкультурные отношения было неоднократно подтверждено. Ее цель — гармонизация межкультурных отношений, разрушение дискриминационных установок и достижение взаимного приятия всеми этнокультурными группами, а два основных компонента — культурный (поддержка и стимуляция этнокультурного разнообразия и сохранение культур этнических меньшинств) и социальный (снятие любых юридических, политических и психологических барьеров на участие этнокультурных групп в политической и общественной жизни). Отдельно выделяется коммуникативный компонент (обучение общему языку и поддержка межкультурного контакта).

Положительное влияние компонентов мультикультурной политики на межгрупповые отношения описывается тремя гипотезами межкультурного взаимодействия. Первая — гипотеза *мультикультурализма*, которая связывает сохранение и поддержку культур меньшинств с ощущением безопасности (отсутствия угроз собственной культуре и идентичности) и большим приятием представителей других этнокультурных групп. На ней основывается культурный компонент мультикультурной политики. Вторая — *гипотеза интеграции*, предполагающая что индивиды, высоко оценивающие и свою собственную культуру, и культуру принимающего общества, более успешны в социокультурной и психологической адаптации. На эту гипотезу опирается социальный компонент мультикультурной политики. Третья — *гипотеза контакта*, предполагает, что равноправные и бесконфликтные контакты этнокультурных групп ведут к меньшей выраженности предрассудков и дискриминации. Она служит основанием для социального и коммуникационного компонентов мультикультурной политики. Эти три гипотезы межкультурного взаимодействия были поддержаны многочисленными исследованиями в различных странах мира [Berry, Sabatier 2010; Kruusvall, Vetik, Berry 2009; Pettigrew, Tropp 2011; Ward, Masgoret 2008] и подтверждены в российском контексте [Лебедева, Татарко 2009; Лебедева, Татарко, Берри 2014; Lebedeva, Tatarko 2013].

Помимо исследований, поддерживающих правомочность гипотез мультикультурализма по отдельности, растущий массив данных свидетельствует о благоприятном влиянии мультикультурной политики в целом на представителей как этнических меньшинств, так и большинства. Так, антидискриминационные меры улучшают экономическое положение иммигрантов [Aleksynska, Algan 2010], а разница в доходах между иммигрантами и гражданами меньше в странах с высоким индексом

мультикультурализма [Nieto, Matano, Ramos 2013]. В целом степень имплементации мультикультурной политики связана с большим чувством принадлежности к государству, большим уровнем доверия и меньшим уровнем воспринимаемой дискриминации среди иммигрантов [Koopmans, Statham Giugni, Passy 2005; Wright, Bloemraad 2012].

Мультикультурная политика положительно влияет и на представителей доминантной группы. Так, в исследовании 19 стран показано, что она связана с большим чувством принадлежности и гражданской активностью [Kesler, Bloemraad 2010]. В то же время нельзя не видеть, что мультикультурная политика часто воспринимается членами доминантной группы как угроза [Plaut, Garnett, Buffardi, Sanchez-Burks 2011].

Есть и другие подходы. Так, в США ведется актуальная дискуссия о сравнении эффектов мультикультурной политики и политики “безразличной к различиям” (*difference-blind policy*). Политика и подходы “не различающие цвета кожи” игнорируют и минимизируют межгрупповые различия, в соответствии с подходом “плавильного котла”. Политика “безразличная к различиям” часто представляется членами доминантной группы как способ достижения равенства. Однако на практике такая политика способствует культурной унификации, осуществляемой зачастую насильственными методами [Клименко 2015]. Согласно результатам ряда исследований, такая политика оправдывает и закрепляет существующее неравенство и связана с более выраженным расовым неприятием и негативными результатами в образовании и трудоустройстве для членов этнических меньшинств при отсутствии положительных эффектов для членов доминантной группы [Apfelbaum, Norton, Sommers 2012]. Мультикультурная же политика связывается с меньшим межгрупповым напряжением, меньшей расовой предвзятостью и большим социальным участием со стороны представителей этнокультурных меньшинств [Plaut, Thomas, Goren 2009]. В целом она способствует “положительному психологическому, образовательному, и организационному функционированию меньшинств и организаций” [Plaut, Garnett, Buffardi, Sanchez-Burks 2011, p. 2].

### Мультикультурная политика в странах мира

Отдельные компоненты мультикультурной политики применяются во многих странах мира для управления и аккомодации этнокультурного разнообразия. В них принимаются законодательные акты, формируются стратегии, подходы и практики, направленные на реализацию двух основных принципов мультикультурализма: поддержания культурного разнообразия и равноправного участия этнокультурных групп в общественной и политической жизни. Важно понимать, что простого декларирования указанных подходов недостаточно для того, чтобы они начали влиять на межгрупповые отношения. Необходимо, чтобы мультикультурные стратегии и подходы эффективно и систематически применялись во всех сферах государственной и общественной жизни.

Существуют три важных базы данных, описывающих степень применения мультикультурной политики в странах мира: Индекс мультикультурной политики (Multicultural Policy Index, MPI) [Banting, Kymlicka 2012]. Индекс политики по интеграции мигрантов (Migrant Integration Policy Index) [MIPEX 2015] и Индикаторы гражданских прав для иммигрантов (Indicators of Citizenship Rights for Immigrants, ICRI) [Koopmans, Michalowski, Waibel 2012]. MPI охватывает страны Западной Европы, Австралию, Канаду, Новую Зеландию, США и Японию и оценивает степень реализации мультикультурной политики в этих странах в 1980, 2000 и 2010 гг. MPI отдельно оценивает политики, применяемые к иммигрантам, историческим меньшинствам и коренным народам. Индикаторы объединены в восемь групп: государственная политика мультикультурализма; министерство, или секретариат, по делам меньшинств; мультикультурализм в школьной программе; представление этнокультурных меньшинств в СМИ; освобождение членов этнокультурных меньшинств от культурных кодов доминантной группы (например, запрет на работу магазинов в воскресенье); возможность двойного гражданства; финансирование культурных организаций; финансирование образования на языках этнокультурных меньшинств.

Второй индекс — МІРЕХ — основывается на индикаторах интеграции, касающихся трудовой мобильности, воссоединения семей, образования, политического участия, долгосрочного проживания, доступа к гражданству и антидискриминационных мер. Он объединяет информацию по 37 странам, собираемую ежегодно с 2010 г. Третий индекс — ІСRI — оценивает права иммигрантов в таких сферах, как доступ к гражданству, воссоединение семьи, защита от депортации, антидискриминационные меры, доступ к государственной службе, политическое участие, культурные и религиозные права в сфере образования, а также другие культурные и религиозные права. ІСRI включает в себя информацию по 14 странам в 1980, 1990, 2002 и 2010 гг.

Все три индекса высоко коррелируют друг с другом [*Koopmans, Michalowski, Waibel* 2012], что позволяет делать на их основании общие выводы. Данные показывают, что мультикультурная политика активно вводилась в странах мира с 1980 по 2010 г. Так, мировой индекс МРІ по политике в отношении мигрантов в 1980 г. составлял 1,3, в 2000 г. — 2,7 и в 2010 г. — 3,5 [*Banting, Kymlicka* 2012]. В последние пять лет уровень имплементации мультикультурных политик в мире остается стабильным: индекс МІРЕХ в 2010 г. составлял 51,8, а в 2014 г. — 52,2 пункта, при этом значительные изменения (5 и более пунктов из 100) были зафиксированы только в четырех странах из тридцати семи [МІРЕХ 2015].

Государства значительно различаются по степени применения мультикультурной политики: в странах “традиционной иммиграции” — Австралии, Канаде, Новой Зеландии и США — компоненты мультикультурной политики широко применяются, в Центральной и Юго-Восточной Европе они используются в значительно меньшей степени, а в Западной Европе, Азии и на Ближнем Востоке соседствуют страны с радикально разными подходами к интеграции мигрантов. Далее мы отдельно рассмотрим применение мультикультурной политики в Канаде, странах Европы и России.

**Мультикультурная политика в Канаде** — первой стране мира, провозгласившей такую политику в 1971 г., ее цель была описана следующим образом: “Политика мультикультурализма в билингвальном контексте — самый подходящий инструмент для обеспечения культурной свободы всех канадцев. Такая политика поможет разрушить дискриминационные установки и культурную конкуренцию. Национальное единство, если понимать его в глубоко личном смысле, должно основываться на уверенности в своей собственной личной идентичности. Только на этом основании может строиться уважение к другим и готовность разделять мысли, идеи и установки. Правительство будет поддерживать и поощрять культурные и этнические группы, которые составляют структуру и обеспечивают жизнеспособность нашего общества. Культурное выражение и культурный обмен с другими канадцами будет поощряться и обогащать нашу общую жизнь” [Government of Canada 1971].

Мы видим, что в этом тексте выражены три основных компонента мультикультурной политики: поддержка и поощрение культурного разнообразия и сохранения культур этнических меньшинств, обеспечение равноправного участия этнокультурных групп в общественной и политической жизни и культурный обмен и коммуникация между культурными группами. Претворение такой политики в жизнь способствовало тому, что во всех трех упомянутых индексах Канада занимает лидирующие места.

Если бы мультикультурная политика вела к негативным последствиям, они в первую очередь и наиболее ярко оказались бы выражены в Канаде. Однако, несмотря на один из самых высоких уровней этнической фракционализации среди западных стран [*Alesina, Devleeschauwer, Easterly, Kurlat, Wacziarg* 2003], социокультурная и психологическая адаптация мигрантов в Канаде происходит легче, чем в других странах [*Banting, Kymlicka* 2013]. Концептуальная и эмпирическая оценка политики мультикультурализма в Канаде проводилась Берри спустя десять [Berry 1984], двадцать [Berry, Laponce 1994] и тридцать [Berry 2013; Berry 2014] лет после ее имплементации. Установлено, что в Канаде иммигранты чаще становятся гражданами, чаще голосуют и избираются, дети иммигрантов достигают более высоких результатов в образовании, чаще оценивают свой иммиграционный опыт положительно, меньше дискриминируют

мусульман. Они обладают более высоким социальным капиталом, чем иммигранты в других западных демократиях [Berry 2013; Berry 2014; Kymlicka 2012].

*Мультикультурная политика в Европе* повторяет мировой тренд — индекс MPI по странам Европы в 1980 г. составлял 0,7, в 2000 г. — 2,1, а в 2010 г. — 3,1 [Banting, Kymlicka 2012]. Показатели индекса ICRI подтверждают эту оценку.

Однако в 2010–2011 гг. ряд высокопоставленных политиков (Д. Кэмерон, А. Меркель, Н. Саркози) заявили о крахе мультикультурализма в странах Европы. В своих выступлениях европейские лидеры утверждали, что мультикультурная политика провалилась, потому что не обеспечила интеграции этнокультурных меньшинств, а способствовала их сегрегации и анклавизации. В то же время мультикультурная политика предполагает не только положительное приятие и поддержку этнокультурного разнообразия, но и обеспечение равноправного участия мигрантов в социальной и политической жизни. Причем принятое Советом Европейского союза “Основные принципы интеграции иммигрантов” (2004 г.) также подчеркивают важность интеграции и необходимость участия в этом процессе принимающего сообщества. Мы считаем, что в Европе провалилась не мультикультурная политика, а имплементация второго, равнозначного, компонента мультикультурной политики — обеспечения равноправного участия этнокультурных меньшинств в общественной и политической жизни.

Этой точки зрения придерживаются и авторы MIPEX, сообщая, что несмотря на получение мигрантами в странах Европейского союза базовых прав, безопасности и защиты от дискриминации, существуют проблемы в обеспечении равноправия в получении гражданства, вовлечении в общественную и политическую жизнь, а также в обеспечении равного доступа к рынку труда, образованию и здравоохранению [MIPEX 2015]. Наша точка зрения подтверждается также отсутствием значимых изменений в мультикультурной политике после 2010 г. [Kymlicka 2012]. Средний индекс MIPEX по европейским странам составлял 51 пункт как в 2010, так и в 2014 гг. Исключениями стали четыре страны — Дания и Польша, где были введены новые компоненты мультикультурной политики, и Нидерланды и Великобритания, где существующие мультикультурные практики были значительно урезаны [MIPEX 2015].

В 2010–2014 гг. в Дании были снижены требования к знанию датского языка, необходимого для получения гражданства, значительно уменьшены языковые требования для людей, страдающих от посттравматического стрессового синдрома, была отменена плата за официальный экзамен по датскому языку и введены бесплатные языковые курсы для родственников иммигрантов, подающих документы на воссоединение семьи. Кроме того, были введены курсы билингвального образования для детей мигрантов, снижены требования к доказательству интеграции (принимается подписанное Заявление о намерении интегрироваться и принимать активное участие в жизни датского общества), а также создано государственное агентство по борьбе с дискриминацией.

В этот же период в Польше снижены требования к экзамену по польскому языку для людей с проблемами со слухом или зрением, предоставлены бесплатные материалы и тестовые вопросы для подготовки к экзамену на знание польского языка, обеспечен более легкий доступ к гражданству (три года постоянного проживания вместо пяти), отменены требования к финансовой стабильности для родственников иммигрантов, подающих документы на воссоединение семей, и разрешено двойное гражданство. Были законодательно закреплены требования к решению об отказе в гражданстве: с 2012 г. эти решения должны сопровождаться мотивационной частью, а кандидаты на гражданство наделены правом на апелляцию и представительство в независимом суде.

Как и в некоторых других странах Западной Европы, в 2010 г. “крах мультикультурализма” был объявлен и в Нидерландах. По всей видимости, с этим связано сокращение компонентов мультикультурной политики в этой стране в 2010–2014 гг. За этот период в миграционной политике Нидерландов были введены следующие изменения: отменено государственное финансирование экзаменов по голландскому языку

и интеграционных экзаменов, необходимых для получения гражданства; отменена программа, обязывающая муниципальные власти финансировать подготовку к экзаменам по интеграции; отменено целевое финансирование общественных организаций для иммигрантов и беженцев; отменено целевое финансирование образования для представителей этнических меньшинств; отменена программа, нацеленная на вовлечение родителей-иммигрантов в функционирование образовательных учреждений; закрыто государственное агентство по трудоустройству иммигрантов и представителей этнических меньшинств; Совет по меньшинствам выведен из состава правительства и переоформлен как некоммерческая организация.

Похожие изменения происходили в этот период в Великобритании. Были введены более жесткие требования к знанию языка для иммигрантов, отменены бесплатные языковые курсы и введен минимальный годовой доход, необходимый для получения вида на жительство. Были повышены требования к доходам иммигрантов, подающих заявление на объединение семьи, увеличен срок, после которого иммигранты, проходящие по категории “восстановление семьи”, могут оформить постоянный вид на жительство с двух до пяти лет, а также запрещено воссоединение с пожилыми родственниками, если не доказано, что им не может быть предоставлен достаточный уход в стране проживания. Также было отменено целевое государственное финансирование образования детей иммигрантов.

Эмпирической оценки результатов вышеперечисленных изменений пока нет. Однако мы считаем, что воздвижение новых барьеров к равноправному участию иммигрантов в общественной и политической жизни не приведет к снижению межкультурной и межэтнической напряженности, формированию и укреплению национальной идентичности и в конечном итоге станет препятствием для полноценной экономической, социальной и психологической адаптации мигрантов.

**Мультикультурная политика в Российской Федерации.** Для России мультикультурализм — демографический факт. Хотя этнические русские составляют 81% населения, нельзя забывать, что в стране проживают представители 193 других этнических групп. По данным ООН, Российская Федерация — вторая после США страна в мире по количеству иммигрантов, а Индекс этнокультурного разнообразия в России достаточно высок и продолжает расти [Рязанцев 2014].

Такое этнокультурное разнообразие делает необходимым постоянную взаимную адаптацию и аккультурацию представителей множественных этнокультурных групп. Оно также несет в себе риски межэтнических конфликтов, напряженности в отношениях между мигрантами и принимающим населением, а также низких показателей социальной, психологической и политической интеграции россиян, рожденных за рубежом. Так, в [Лебедева, Татарко 2009] показано, что воспринимаемая дискриминация, воспринимаемая угроза и негативное восприятие своей этничности негативно влияют на аккультурацию этнокультурных меньшинств в России.

На основании теоретических и эмпирических результатов, представленных в первой части статьи, мы утверждаем, что полноценная мультикультурная политика — эффективный инструмент управления этнокультурным разнообразием. К сожалению, систематической оценки политики Российской Федерации в отношении иммигрантов, этнических меньшинств и коренных народов, основывающейся на теории межкультурных взаимодействий, на данный момент не существует. Попробуем сделать шаг, восполняющий этот пробел.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Российская Федерация — одна из немногих стран мира, в которых этнокультурное разнообразие закреплено конституционно. Вспомним такие известные положения преамбулы Конституции РФ, как:

“Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле... сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству... принимаем Конституцию Российской Федерации”. И далее в статье 3.1:

“Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ”.

Российская Конституция целенаправленно утверждает равенство представителей различных этнических групп (“национальностей”) как политических субъектов. Кроме того, в ней утверждается равноправие и право на самоопределение народов (Статья 5.3), равенство прав и свобод и запрет на дискриминацию (Статья 19.2), право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (Статья 26.2), а также гарантируется право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития (Статья 68.3).

В то же время, несмотря на декларацию равенства, Россия унаследовала от СССР доктрину многонационального государства, включающую в себя представление об особом статусе русского большинства. Так, данные, представленные Р. Петуховым и Г. Барашем, свидетельствуют, что доля российских граждан, считающих, что Россия – государство русских людей либо утверждающих, что русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, чем представители других этнических групп, выросла с 47% в 2003 г. до 55% в 2013 г. [Петухов, Бараш 2014]. Важно отметить, что эта тенденция не обязательно свидетельствует о росте ксенофобских и дискриминационных настроений. “Русскость” большинством респондентов определяется в первую очередь через культурный, а не этнический компонент. Процент респондентов, определяющих принадлежность к русским через происхождение или кровь, напротив, упал с 22% в 2009 г. до 16% в 2013 г.

Тем не менее приведенные данные заставляют задуматься о том, что обеспечение положительного принятия и поощрения этнокультурного разнообразия в России находится под угрозой. Несмотря на декларацию многонациональности, в обществе укрепляется дискурс о “государствообразующем народе” и “особой роли православия” в России, угрожающий укреплению и развитию общенациональной идентичности [Клименко 2015]. Запрос на ассимиляцию мигрантов опасен для межэтнических отношений: стратегия ассимиляции ведет к большему межкультурному напряжению, более низкому уровню политического участия и общегражданской идентичности и худшим показателям социокультурной адаптации мигрантов, чем полноценная интеграция [Лебедева, Татарко 2009].

Несмотря на большое количество мигрантов, их интеграция в российское общество была сформулирована как политическая цель относительно недавно – в “Концепции государственной миграционной политики России на период до 2025 года”. Этот документ, в частности, предполагает облегчение бюрократических барьеров для миграции, экзамены по русскому языку для потенциальных мигрантов, борьбу с нелегальной иммиграцией, совершенствование института вида на жительство и развитие института беженства. Само появление данного документа свидетельствует о важном изменении в подходе к управлению этнокультурным разнообразием. Однако единственным компонентом Концепции, направленным конкретно на интеграцию мигрантов, является введение экзаменов на знание русского языка. По сравнению с аналогичными политиками даже других европейских стран, в России финансовое бремя по сдаче экзамена целиком возлагается на самих мигрантов, а бесплатных курсов для них по русскому языку в регионах страны либо нет, либо их крайне недостаточно [Рязанцев 2014]. Эти упущения устранимы, тем более, что в качественной интеграции мигрантов в первую очередь заинтересовано само российское общество. Нельзя также не отметить, что в Концепции никак не освещаются другие важные компоненты интеграционной политики: обеспечение равного доступа к рынку труда, образованию и здравоохранению, стимуляция политического участия мигрантов в российской жизни и антидискриминационные меры.

Помимо Концепции, положительными изменениями в политике Российской Федерации в вопросе интеграции мигрантов являются поправки к Федеральному Закону “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” (2009), принятие Государственной программы по оказанию содействия добровольному

переселению соотечественников (2006, 2012) и создание Федерального агентства по делам национальностей (2015). Важно понимать, что усилия по обеспечению интеграции мигрантов в принимающее общество – прямое противодействие маргинализации и сегрегации мигрантов.

Для Российской Федерации этнокультурное разнообразие – это факт, который может как провоцировать риски, так и предоставлять возможности для роста благополучия и благосостояния граждан. Основываясь на теоретических и эмпирических исследованиях, мы утверждаем, что мультикультурная политика, сочетающая положительное принятие этнокультурного разнообразия и обеспечение равноправного участия мигрантов в принимающем обществе – эффективный и научно обоснованный способ управления этнокультурным разнообразием.

Последние изменения в политике Российской Федерации с большой вероятностью окажут благоприятное влияние на социальную, политическую и экономическую адаптацию мигрантов в России и снизят межкультурное напряжение. Однако они не могут считаться достаточными в сфере как обеспечения положительного принятия этнокультурного разнообразия, так и обеспечения равноправного участия мигрантов в жизни российского общества. Мы надеемся, что такая оценка не обескуражит многочисленных участников этого процесса, но поможет точнее определить области дальнейшего развития.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клименко Е.В. (2015) Интеграция и различия. О гражданской нации в России // ПОЛИС. № 6. С. 131–143.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (2009) Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж.У. (2014) Проверка гипотез мультикультурализма, интеграции и контакта // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: материалы Четвертой международной научной конференции 30–31 мая 2014 г. (под ред. В. Гриценко). Смоленск: Смоленский гуманитарный университет.

Петухов В.В., Бараш Р.Э. (2014) Русские и “русский мир”. Исторический контекст и современное прочтение // ПОЛИС. № 6. С. 83–101.

Рязанцев С.В. (2014) О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. № 9. С. 25–29.

Aleksynska A., Algan Y. (2010) Economic and Cultural Assimilation and Integration of Immigrants in Europe // Discussion Paper 5185. Bonn: Institute for the Study of Labour (IZA) ([http://www.iza.org/en/webcontent/publications/papers/viewAbstract?dp\\_id=5185](http://www.iza.org/en/webcontent/publications/papers/viewAbstract?dp_id=5185)).

Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. (2003) Fractionalization // Journal of Economic Growth. No. 8. Pp. 155–194.

Apfelbaum E.P., Norton M.I., Sommers S.R. (2012) Racial colour-blindness: Emergence, Practice and Implications // Current Directions in Psychological Science. No. 21. Pp. 203–209.

Banting K., Kymlicka W. (2013) Is There Really a Retreat from Multiculturalism Policies? New Evidence from the Multiculturalism Policy Index // Comparative European Politics. No. 11. Pp. 577–598.

Banting K., Kymlicka W. (2012) The Multicultural Policy Index (<http://www.queensu.ca/mcp/home>).

Berry J.W. (1984) Multicultural Policy in Canada: A Social Psychological Analysis // Canadian Journal of Behavioural Science. No. 16. Pp. 353–370.

Berry J.W. (2014) Multiculturalism: Psychological Perspectives // The Multiculturalism Question: Debating Identity in 21st-century Canada, Montreal: McGill-Queen's Univ. Press. Pp. 225–240.

Berry J.W. (2013) Research on Multiculturalism in Canada // International Journal of Intercultural Relations. Vol. 37. Pp. 663–675.

Berry J.W., Kalin R., Taylor D. (1977) Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa: Ministry of Supply and Services.

Berry J.W., Laponce J.A. (1994) Ethnicity and Culture in Canada: The Research Landscape. Toronto: Univ. of Toronto Press.

- Berry J.W., Sabatier C. (2010) Acculturation, Discrimination, and Adaptation among Second Generation Immigrant Youth in Montreal and Paris // *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 34. Pp. 191–207.
- Bloemraad I., Wright M. (2014) “Utter Failure” or Unity out of Diversity? Debating and Evaluating Policies of Multiculturalism // *International Migration Review*. Vol. 48. Pp. 292–334.
- Dustmann C., Fabbri F., Preston I. (2011) Racial Harassment, Ethnic Concentration and Economic Conditions // *Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 113. Pp. 689–711.
- Government of Canada (1971) Multicultural Policy: Statement to the House of Commons. Ottawa, Ontario, Hansard.
- Kalin R., Berry J. W. (1982) The Social Ecology of Ethnic Attitudes in Canada // *Canadian Journal of Behavioural Science*. No. 14. Pp. 97–109.
- Kesler C., Bloemraad I. (2010) Does Immigration Erode Social Capital? The Conditional Effects of Immigration-Generated Diversity of Trust, Membership, and Participation Across 19 Countries, 1981–2000 // *Canadian Journal of Political Science*. No. 43. Pp. 319–347.
- Koopmans R., Michalowski I., Waibel S. (2012) Citizenship Rights for Immigrants: National Political Processes and Cross-National Convergence in Western Europe, 1980–2008 // *American Journal of Sociology*. Vol. 117. Pp. 1202–1245.
- Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F. (2005) *Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe*. Minneapolis (MN): University of Minnesota Press.
- Kruusvall J., Vetik R., Berry J. (2009) The Strategies of Inter-Ethnic Adaptation of Estonian Russians // *Studies of Transition States and Societies*. No. 1. Pp. 3–24.
- Kymlicka W. (2012) Multiculturalism: Success, Failure and the Future. In *Migration Policy Institute // Rethinking National Identity in the Age of Migration*. Berlin: Verlag Bertelsmann Stiftung.
- Lebedeva N., Tatarko A. (2013) Immigration and Intercultural Integration Strategies in Post-Soviet Russia. *Immigration: Policies, Challenges and Impact* (ed. E. Tartakovsky). New York: Nova Science Publishers. Pp. 179–194.
- MIPEX (2015) Key Findings. Immigrant Integration Policy (<http://www.mipex.eu>).
- Nieto S., Matano A., Ramos R. (2013) Skill Mismatches in the EU: Immigrants versus Natives. Discussion Paper 7701. Bonn: Institute for the Study of Labour (IZA) (<http://ftp.iza.org/dp7701.pdf>).
- Pettigrew T., Tropp L. (2011) *When Groups Meet*. London: Psychology press.
- Plaut V.C., Garnett F.G., Buffardi L.E., Sanchez-Burks J. (2011) What about Me? Perceptions of Exclusion and Whites’ Reactions to Multiculturalism // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 101. Pp. 337–353.
- Plaut V.C., Thomas K.M., Goren M.J. (2009) Is Multiculturalism or Colour-Blindness Better for Minorities? // *Psychological Science*. No. 20. Pp. 444–446.
- Putnam R. (2007) *E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century* // *Scandinavian Political Studies*. Vol. 30. Pp. 137–174.
- Quillian L. (1995) Prejudice as a Response to Perceived Group Threat: Population Composition and Anti-Immigrant and Racial Prejudice in Europe // *American Sociological Review*. Vol. 60. Pp. 586–611.
- Schneider S.L. (2008) Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat // *European Sociological Review*. Vol. 24. Pp. 53–67.
- Ward C., Masgoret A.-M. (2008) Attitudes Toward Immigrants, Immigration and Multiculturalism in New Zealand // *International Migration Review*. Vol. 42. Pp. 222–243.
- Ward C., Masgoret A.-M., Vauclair M. (2011) *Attitudes Toward Immigrants and Immigrant Experiences: Predictive Models Based on Regional Characteristics*. Wellington: Department of Labour.
- Wright M., Bloemraad I. (2012) Is there a Trade-off between Multiculturalism and Socio-Political Integration? Policy Regimes and Immigrant Incorporation in Comparative Perspective // *Perspectives on Politics*. No. 10. Pp. 77–95.
- Yogeeswaran K., Dasgupta N. (2014) The Devil is in the Details: Abstract versus Concrete Construals of Multiculturalism Differentially Impact Intergroup Relations // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 106. Pp. 772–789.

# Comparative Analysis of Multicultural Policy in Canada, Europe, and Russia

V. PONIZOVSKIY\*,  
J. BERRY\*\*

\***Ponizovskiy Vladimir** – Research intern at International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Higher School of Economics, Moscow, Russia. Address: 46b Volgogradskiy pr-t, Room 214, Moscow, Russia, 109316; E-mail: vladimir.ponizovskiy@gmail.com

\*\***Berry John Widdup** – Professor Emeritus at Queen's University, Kingston, Canada; Chief Researcher at International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Higher School of Economics, Moscow, Russia. Address: 46b Volgogradskiy pr-t, Room 214, Moscow, Russia, 109316; Email: jwberry@hse.ru

## Abstract

Multicultural policy is one of the few theory-based approaches to managing ethno-cultural diversity. However, Russian scientific community expresses doubts about the feasibility of the policy for Russia. Such doubts arise from the difficulties in integration of migrants in Europe and support for assimilation policies among the Russian public. The goals of this article are to 1) present theoretical and empirical evidence for multiculturalism policy; 2) describe two components of the multiculturalism policy: support and promotion of cultural diversity and facilitation of equitable participation of heterogeneous ethno-cultural groups; 3) and to compare the degree of implementation and effectiveness of multiculturalism policies in Canada, countries of Europe, and Russia. We conclude that recent changes in Russian policy are likely to improve intergroup relationships in the Russian Federation, however, such changes cannot be seen as sufficient for satisfactory social, political, psychological and economic integration of migrants into Russian society.

**Keywords:** multiculturalism, ethno-cultural diversity, migration policy, integration, nationality, ethnicity, national identity, Russia.

## REFERENCES

- Aleksynska A., Algan Y. (2010) Economic and Cultural Assimilation and Integration of Immigrants in Europe. *Discussion Paper 5185*. Bonn: Institute for the Study of Labour (IZA) ([http://www.iza.org/en/webcontent/publications/papers/viewAbstract?dp\\_id=5185](http://www.iza.org/en/webcontent/publications/papers/viewAbstract?dp_id=5185)).
- Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. (2003) Fractionalization. *Journal of Economic Growth*, no. 8, pp. 155–194.
- Apfelbaum E.P., Norton M.I., Sommers, S.R. (2012) Racial Colour-blindness: Emergence, Practice and Implications. *Current Directions in Psychological Science*, no. 21, pp. 203–209.
- Banting K., Kymlicka W. (2013) Is There Really a Retreat from Multiculturalism Policies? New Evidence from the Multiculturalism Policy Index. *Comparative European Politics*, no. 11, pp. 577–598.
- Banting K., Kymlicka W. (2012) The Multicultural Policy Index (<http://www.queensu.ca/mcp/home>).
- Berry J.W. (1984) Multicultural Policy in Canada: A Social Psychological Analysis. *Canadian Journal of Behavioural Science*, no. 16, pp. 353–370.
- Berry J.W. (2014) Multiculturalism: Psychological Perspectives. *The Multiculturalism Question: Debating Identity in 21st-century Canada*. Montreal: McGill-Queen's University Press, pp. 225–240.
- Berry J.W. (2013) Research on Multiculturalism in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 37, pp. 663–675.
- Berry J.W., Kalin R., Taylor D. (1977) *Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada*. Ottawa: Ministry of Supply and Services.
- Berry J.W., Laponce J.A. (1994) *Ethnicity and Culture in Canada: The Research Landscape*. Toronto: University of Toronto Press.
- Berry J.W., Sabatier C. (2010) Acculturation, Discrimination, and Adaptation among Second Generation Immigrant Youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 34, pp. 191–207.
- Bloemraad I., Wright M. (2014) “Utter Failure” or Unity out of Diversity? Debating and Evaluating Policies of Multiculturalism. *International Migration Review*, vol. 48, pp. 292–334.
- Dustmann C., Fabbri F., Preston I. (2011) Racial Harassment, Ethnic Concentration and Economic Conditions. *Scandinavian Journal of Economics*, vol. 113, pp. 689–711.
- Government of Canada (1971) Multicultural Policy: Statement to the House of Commons. Ottawa, Ontario, Canada: Hansard.

- Kalin R., Berry J.W. (1982) The Social Ecology of Ethnic Attitudes in Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science*, no. 14, pp. 97–109.
- Kesler C., Bloemraad I. (2010) Does Immigration Erode Social Capital? The Conditional Effects of Immigration-Generated Diversity of Trust, Membership, and Participation Across 19 Countries, 1981–2000. *Canadian Journal of Political Science*, vol. 43, pp. 319–347.
- Klimenko E.V. (2015) Integratsiya i razlichiya. O grazhdanskoi natsii v Rossii [Integration and diversity. On the civic nation in Russia]. *POLIS*, no. 6, pp. 131–143.
- Koopmans R., Michalowski I., Waibel S. (2012) Citizenship Rights for Immigrants: National Political Processes and Cross-National Convergence in Western Europe, 1980–2008. *American Journal of Sociology*, vol. 117, pp. 1202–1245.
- Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F. (2005) *Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe*. Minneapolis (MN): University of Minnesota Press.
- Kruusvall J., Vetik R., Berry J. (2009) The Strategies of Inter-Ethnic Adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies*, no. 1, pp. 3–24.
- Kymlicka W. (2012) Multiculturalism: Success, Failure and the Future. In Migration Policy Institute. *Rethinking National Identity in the Age of Migration*. Berlin: Verlag Bertelsmann Stiftung, pp. 33–78.
- Lebedeva N., Tatarko A.N. (2013) Immigration and Intercultural Integration Strategies in Post-Soviet Russia. *Immigration: Policies, Challenges and Impact* (ed. E. Tartakovsky). New York: Nova Science Publishers, pp. 179–194.
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (2009) *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii* [Strategies of intercultural relations of migrants and the citizens of Russia]. Moscow: RUDN.
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J.W. (2014) Proverka gipotez mul'tikul'turalizma, integratsii i kontakta [Testing the hypotheses of multiculturalism, integration, and contact]. *Teoreticheskie problemy etnicheskoi i kross-kul'turnoi psikhologii: Materialy Chetvertoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 30–31 maya 2014 g.* [Theoretical issues in ethnic and cross-cultural psychology: Proceedings of the Fourth international scientific conference, May 30–31, 2014 (ed. V. Gritsenko)]. Smolensk: Smolenskii gumanitarnyi universitet, pp. 23–26.
- MIPEX (2015) Key Findings. Immigrant Integration Policy (<http://www.mipex.eu>).
- Nieto S., Matano A., Ramos R. (2013) *Skill Mismatches in the EU: Immigrants versus Natives. Discussion Paper 7701*. Bonn: Institute for the Study of Labour (IZA) (<http://ftp.iza.org/dp7701.pdf>).
- Pettigrew T., Tropp L. (2011) *When Groups Meet*. London: Psychology press.
- Petukhov V.V., Barash R.E. (2014) Russkie i “russkii mir”: istoricheskii kontekst i sovremennoe prochtenie [Russians and the “Russian world”: The historical context and contemporary vision]. *POLIS*, no. 6, pp. 83–101.
- Plaut V.C., Garnett F.G., Buffardi L.E., Sanchez-Burks J. (2011) What about Me? Perceptions of Exclusion and Whites’ Reactions to Multiculturalism. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 101, pp. 337–353.
- Plaut V.C., Thomas K.M., Goren M.J. (2009) Is Multiculturalism or Colour-Blindness better for Minorities? *Psychological Science*, no. 20, pp. 444–446.
- Putnam R.E (2007) Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century. *Scandinavian Political Studies*, vol. 30, pp. 137–174.
- Quillian L. (1995) Prejudice as a Response to Perceived Group Threat: Population Composition and Anti-Immigrant and Racial Prejudice in Europe. *American Sociological Review*, vol. 60, pp. 586–611.
- Ryazantsev S.V. (2014) O yazykovoi integratsii migrantov kak novom orientire migratsionnoi politiki Rossii [On language integration as a new direction of Russian migration policy]. *Sociological Studies*, no. 9, pp. 25–29.
- Schneider S. L. (2008) Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat. *European Sociological Review*, vol. 24, pp. 53–67.
- Ward C., Masgoret A.M. (2008) Attitudes toward Immigrants, Immigration and Multiculturalism in New Zealand. *International Migration Review*, vol. 42, pp. 222–243.
- Ward C., Masgoret A.-M., Vauclair M. (2011) *Attitudes toward Immigrants and Immigrant Experiences: Predictive Models Based on Regional Characteristics*. Wellington: Department of Labour.
- Wright M., Bloemraad I. (2012) Is There a Trade-off between Multiculturalism and Socio-Political Integration? Policy Regimes and Immigrant Incorporation in Comparative Perspective. *Perspectives on Politics*, no. 10, pp. 77–95.
- Yogeeswaran K., Dasgupta N. (2014) The Devil is in the Details: Abstract versus Concrete Construals of Multiculturalism Differentially Impact Intergroup Relations. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 106, pp. 772–789.